

нявшие сказанное в книге «Мастерство Пушкина». Ценные уточнения появлялись в статье на тему «Пушкин в освободительном движении своего времени». Ученый пересматривает свою прежнюю точку зрения на то, кто председательствовал на именной вечеринке в Каменке, на которой закипел спор в присутствии Пушкина о необходимости учреждения тайного гллитического общества в России (об этом эпизоде рассказано в воспоминаниях декабриста И. Д. Якушкина). Оказывается, председательствовал не старик Н. Н. Раевский, герой Бородина, а его сын, «демон» Александр Раевский, что придает особую пикантность спору о тайном обществе и о согласии председателя вступить в него. Во многом по-новому освещена тема «Пушкин и Пестель»: «диктатор» Пестель повлиял на коренной пересмотр Пушкиным вопроса об исторической роли Наполеона.

Статья «Погибельное счастье», вошедшая в состав рассматриваемой книги, является не только откликом на ценную работу И. М. Ободовской и М. А. Деметьева «Вокруг Пушкина» (1975), но и мудрым, взвешенным ответом Д. Д. Благого на давний спор в пушкиноведении по поводу жены поэта Натальи Николаевны. Резко отрицательное отношение к ней пошло еще от современников. Как о злой силе в судьбе поэта говорили о Н. Н. Гончаровой такие авторитеты, как П. Е. Щеголев и М. А. Цявловский. Отрицательно относились к ней и три выдающиеся женщины: Анна Ахматова, Марина Цветаева и надолго пережившая мужа Татьяна Григорьевна Цявловская. Благой глубже других раскрыл весь комплекс сложных вопросов: любовь поэта к жене, полное доверие к ней, смутные предчувствия беды, роковую ее роль в том, что так удачно Благим названо словами, взятыми из Пушкина, «погибельное счастье». В целом он значительно реабилитирует Наталью Николаевну, призывает не бросать в нее «камни». В этом выводе весь Благой — строгий ученый и добрый, гуманный человек. Статья «Главою непокорной» — ключ к последнему произведению Пушкина. Благой остроумно сближает пушкинскую мистификацию под названием «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» с преддзельными обстоятельствами жизни самого Пушкина. Заключительная статья «Достоевский и Пушкин» концентрированно разъясняет накопившиеся в науке сближения ряда тем автора «Преступления и наказания» со многими мотивами творчества Пушкина, углубляет мысль о всемирном значении русского гения.

Благой с исключительным вниманием и добросердечностью относился к окружавшей его молодежи — студентам, аспирантам. Разнообразная и многолетняя педагогическая деятельность Дмитрия Дмитриевича — особая и увлекательная область для воспоминаний. Здесь единственным соперником ему из пушкинистов мог считаться, пожалуй, Г. А. Гуковский, профессорствовавший в ЛГУ. Его приезды в Москву всегда привлекали внимание. На объявленный его доклад о «Пиковой даме», который должен был состояться в Институте мировой литературы (это было, кажется, в 1947 г.), мы, московские аспиранты, сбегались дружно, аудитория была заполнена до отказа. Доклад был яркий, сенсационный. Некоторые идеи его в новой редакции вошли в книгу «Пушкин и проблемы реалистического стиля», которая была зарезана властями на корню в 1948 г. Гуковский цеплял, будоражил мысль. Картежная схватка Германа с Чекалинским трактовалась им как аналог западноевропейскому безудержному меркантилизму и гедонизму. И все же Благой в книгах и лекциях казался глубже, не столь склонным к парадоксам.

Могу судить о Благом-педагоге с некоторым правом. Я — ученик его в прямом смысле, что было известно в институте и в университете.

Памятно первое личное знакомство, состоявшееся в 1938 г. На втором курсе ИФЛИ я узнал по расписанию, что Благой читает по вечерам для аспирантов спецкурс по Пушкину. Пойти я побоялся, но в телефонной книге нашел его номер и позвонил домой: «Профессор Благой? Дмитрий Дмитриевич? Это звонит Вам студент ИФЛИ такой-то. Скажите, пожалуйста, почему во всех изданиях Пушкина „Послание А. М. Горчакову“ („Встречаюсь я с осьмнадцатой весной“) датируется 1816 годом. Кажется, надо было бы 1817-м». Его вопрос: «А вы